

Георгий Чулков

Современники

Георгий Иванович Чулков
Современники
Серия «Годы странствий»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665775

Чулков Г.И. Избранное: М.; 2011

Аннотация

Современники. Михаил Кузмин, Алексей Ремизов, Леонид Семенов, Юрий Верховский, Сергей Ауслендер, Владимир Пяст.

Содержание

Георгий Иванович Чулков

Современники

Я хочу в этой главе дать кратчайшие заметки о некоторых людях и встречах, о коих я не успел сказать своевременно. Начну с ныне благополучно здравствующего и вовсе не ленивого поэта, до сих пор пишущего стихи и прозу, но почему-то не публикующего свои творения¹. Я говорю о Михаиле Алексеевиче Кузмине, авторе слишком известных «Александрийских песен»², изысканном стихотворце и очень своеобразном композиторе. Он начал свою литературную деятельность в «Зеленом сборнике»³, где была напечатана, между прочим, повесть В.Р. Менжинского⁴, который теперь так же, как и Кузмин, ничего не печатает. Пишет ли он теперь, я не знаю. Известность, несколько двусмысленную, М.А. Кузмин приобрел в те дни, когда журнал «Весы» напечатан его

---

¹ Во второй половине 1920-х гг. М. Кузмин выпустил лишь книгу стихов «Фонель разбивает лед» (1929). В эти годы он интенсивно занимался переводами.

² Впервые частично опубликованы: Весы. 1906. № 1. Полностью вошли в сб. «Сети» (1908).

³ «Зеленый сборник стихов и прозы» вышел в Петербурге в 1905 г. В нем помимо упомянутых в тексте были напечатаны произведения Ю. Верховского, П. Конради, Вл. Волькенштейна. В рецензии на сборник А. Блок отметил излишнюю «литературность» и «начитанность» авторов (Вопросы жизни. 1905. № 7).

⁴ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – видный партийный деятель, член РСДРП с 1902 г. С 1918 г. – нарком финансов РСФСР. Председатель ОГПУ с 1926 г. От литературной деятельности отошел очень рано.

повесть «Крылья»⁵, отчасти биографическую. Я не принадлежал к тем лицемерным или искренним *grudes*⁶, кои негодовали на односторонние пристрастия автора. Может быть, эта моя терпимость объяснялась знанием античного быта со всеми его слабостями. Я не мог не восхищаться дарованием этого поэта, несмотря на странность излюбленных им сюжетов. *Chacun a son goût*⁷. Но так как я никогда ни в какой мере не разделял вкусов поэта, то естественно, что у нас не могло быть особой нежности. Я думаю, что милейший М.А. Кузмин, откровенность коего всем известна, не посетует на меня, если я расскажу один наш забавный диалог. Однажды Михаил Алексеевич на вечере «Современной музыки»⁸ полупутя спросил меня, не враждебно ли я к нему отношусь. Я постарался его уверять, что очень ценю его как поэта и как очаровательного собеседника, но, будучи поклонником прекрасного пола, не могу чувствовать особой нежности к тем, кто не умеет восхищаться прелестями гётевской Маргариты или пушкинской Татьяны.

– Как! – вскричал Михаил Алексеевич. – Вы думаете, что я не ценю женского общества? Напротив! Я только тогда и чувствую себя хорошо, когда я окружен девушками.

---

⁵ См.: Весы. 1906. № 11. В повести описаны гомосексуальные отношения героев.

⁶ Стыдливый (*фр.*). Зд. – привередливый.

⁷ У каждого свой вкус (*фр.*).

⁸ «Вечера современной музыки» – музыкальный кружок, основанный в Петербурге в 1901 г.

Тогда наступила и мне очередь воскликнуть:

– О! В таком случае я готов примириться со странностями ваших сюжетов. Но как же вы сами объясните противоречия вашей психологии?

– Очень просто. Я не любопытен.

– Что? – изумился я.

– Я не любопытен, – улыбнулся Кузмин, глядя на меня своими неестественно большими глазами. – Мужчин влечет к женщинам любопытство. А я предпочитаю то, что мне уже известно очень хорошо. Я боюсь разочарований.

Конечно, со стороны М.А. Кузмина это было не более, как милая шутка, но эта улыбчивая беседа очень характерна для поэта. Два портрета Кузмина⁹, написанные Сомовым, удачнее, чем портреты Блока и Вяч. Иванова¹⁰, сделанные тем же мастером. Это объясняется тем, что К.А. Сомову понятнее близкий ему по своей культуре и психологии Кузмин¹¹, чем иные, более чуждые ему поэты.

Если Блок переживал свой декадентский опыт, терзаясь и страдая; если Сологуб таил свое отчаяние то под маской холодной иронии, то утешая себя игрою магических сил. – Кузмин, как настоящий александриец, стыдился всяких тер-

---

⁹ Портреты Кузмина (один – акварелью, второй – гуашью) написаны К.А. Сомовым в 1909 г., представляют собой варианты.

¹⁰ Портрет Блока создан в 1907 г. (цв. карандаш, гуашь), портрет Вяч. Иванова – в 1906 г. (карандаш).

¹¹ Намек на нетрадиционную сексуальную ориентацию К.А. Сомова.

заний и всяких трагедий и не нуждался ни в какой маске. Кузмин с совершенной откровенностью пел свои песни о милой ему Александрии¹², где вся культура была, как увядающая, но еще благоуханная роза, где тончайший скепсис иногда очень походил на веру, а пламенная вера сочеталась всегда с предельными искушениями.

Одно время М.А. Кузмин жил на «Башне» Вячеслава Иванова¹³. Тогда я часто встречался с ним. Он пришел в литературу уже сложившимся писателем. Он не искал стиля. Он уже обладал им. И сам он как человек был настолько определившимся и зрелым, что можно было спокойно любоваться законченностью его типа. В прошлом у него были какие-то искания, какая-то любовь к старообрядческому быту, какие-то странствия по Италии... Все это смешалось в нем, сочеталось во что-то единое. И это не было механической смесью, а органическим единством. Как это ни странно, но старопечатный «Пролог»¹⁴ и пристрастие к французскому XVIII веку, романы Достоевского и мемуары Казановы¹⁵, любовь к простонародной России и вкус к румянам и

---

¹² Александрия – город, основанный Александром Македонским в 332–331 гг. до н. э. в Египте, был международным торговым и культурным центром Востока. В IV–V вв. постепенно наступил экономический и культурный упадок города.

¹³ О «Башне» в доме Вяч. Иванова см. здесь.

¹⁴ «Пролог» – сборник житий святых, патериковых легенд, созданных в Византии в X–XI вв. Название «Пролог» на русском языке появилось в результате ошибки редактора, принявшего вступление (пролог) за название сборника.

¹⁵ Казанова Джованни Джакомо (1725–1798) – итальянский писатель, авантю-

мушкам – все это было в Кузмине чем-то внутренне оправданным и гармоничным.

Если Кузмин был ярким выразителем нашей «Александрийской» эпохи¹⁶, то С.М. Городецкий¹⁷, которого я также обрел на «Башне» Вячеслава Иванова, был типичным представителем нашего «варварства». Ведь наша страна – страна фантастических противоречий. Правда, Сергей Городецкий был тогда студент-филолог, искал дружбы с Блоком, читал декадентов и учился у них писать стихи, но все же его первая книжка «Ярь»¹⁸ была не просто стилизацией скифских мотивов. В душе у этого поэта был в самом деле какой-то родник древнего нашего мироощущения. Мифология и фольклор не

рист, оставивший «Мемуары» (написаны в 1791–1798 гг., опубликованы в 1822–1828 гг.).

¹⁶ Подразумевается направление в поздней античной культуре, отличающееся внешней изощренностью формы и внутренним творческим упадком.

¹⁷ Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – поэт, прозаик, критик. Отозвался о прозаических произведениях Чулкова (Речь. 1911.21 марта. № 78). В августе 1920 г. Чулков написал послание «Сергею Городецкому» (см.: Стихотворения Георгия Чулкова).

¹⁸ Сборник «Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические» вышел в Петербурге в 1907 г. О скифских мотивах этого сборника упомянул М. Волошин, сказав, что его автор «молодой фавн, прибежавший из глубины скифских лесов», воплотивший «самые глубины древнего творческого сознания», «самые недра народного духа» (Русь. 1906. 19 дек. № 80). Рецензия в «Весах» (1907. № 2) акцентировала внимание читателей на «мощи смелого взлета, юношеской дерзости обещаний, новизне песен, запетых на свой лад» (с. 83). Более строго отнесся к книге С. Соловьев, написавший, что, обладая «даром мифотворчества», Городецкий тем не менее многое сшил на «живую нитку», и сборник местами «расползается от прикосновения критического анализа» (Золотое руно. 1907. № 2. С. 89).

были для Городецкого предметом изучения: они были для него предметом воспоминаний. Поэтому и стихи Городецкого звучали пленительно, хотя, должен признаться, этим даровитым человеком я как-то не сразу увлекся. Первые стихи, которые он принес мне в «Вопросы жизни», я не решился напечатать. Меня, между прочим, оттолкнула от его тетради одна смешная мелочь. Поэту вздумалось прицепить или приклеить к рукописи какой-то цветочек. Мне показалось, что это украшение дурного вкуса, и я не разглядел в первых стихах Городецкого того таланта, в коем я несколько не сомневался впоследствии.

Одно время я дружил с Городецким. Мне припоминается забавный случай из нашей тогдашней богемной жизни. Ко мне пришел однажды Городецкий, жалуясь, что у него нет сюжета для рассказа, а ему нужно дать непременно что-нибудь в журнал. Я предложил ему сесть за стол и продолжить начатый мною рассказ (у меня было написано около листа). Поэт не заставил себя долго упрашивать и, прочитав начало, стал писать дальше. Его почерк начинается с полуфразы. Эта курьезная рукопись у меня цела. Рассказ за подписью С.М. Городецкого был, кажется, напечатан¹⁹.

Впоследствии, в декабре 1913 года, Городецкой посвятил мне такие нежные стихи:

Тайным утром, в час всеснежный

---

¹⁹ О каком рассказе идет речь, установить не удалось.

О тебе – в тиши, не вдруг —
Так подумалось мне, друг,
Опечаленно-мятежный.

Кроткий духом, мукой мудрый,
Дерзкий речью, люб мне он,
Пленник медленных времен,
Путник ночи серокудрой.²⁰

Впрочем, в иные сроки мы, кажется, с ним бранились, но, должно быть, не очень бранились, ибо я даже вспомнить не могу, когда и как.

Не могу исключить из моего «Помянника» Алексея Михайловича Ремизова, стяжавшего себе славу хорошею повестью «Крестовые сестры»²¹. В начале наших биографий что-то у нас было общее. Я свои первые рассказы печатал в московской газете «Курьер», и Ремизов, кажется, также впервые там напечатался²². И он и я были в ссылке: он в Вологодской губернии одновременно с Н.А. Бердяевым²³, П.Е. Щеголе-

---

²⁰ Место публикации стихотворения не найдено.

²¹ «Крестовые сестры» впервые опубликованы в альманахе «Шиповник» (1910. Кн. 13).

²² Действительно, первой публикацией А.М. Ремизова был рассказ-причитание «Плач девушки перед замужеством» (под псевдонимом Н. Молдованов), напечатанный в «Курьере» (1902. 8 сентября. № 242).

²³ Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ, редактор журналов «Новый путь» (ноябрь 1904) и «Вопросы жизни», сотрудник сборников «Проблемы идеализма», «Вехи». В 1922 г. выслан из России.

вым²⁴ и А.В. Луначарским²⁵, а я – в Якутской области. В редакции «Весов», где революционеров вовсе не было, наши имена повторяли вместе. Чулков и Ремизов как ссыльные составляли особую литературную пару. Впоследствии, разумеется, нас разглядели внимательнее, и мы, счастливые, получили, наконец, желанный нам обоим развод.

А.М. Ремизов, в противоположность натуральному и непосредственному С.М. Городецкому, весь без остатка стилизатор и книжник. Тот, кто видел автографы А.М. Ремизова, вероятно, невольно обращал внимание на старинную витиеватость его почерка, совпадавшую с витиеватостью его стиля. Подобно средневековому художнику-писцу, Ремизов увлечен своею каллиграфическою работою; его радуют акварельные краски на миниатюрах заглавного листа, золото и киноварь прописных букв и тонкость искусных росчерков... Так стиль его пленяет изысканным своим узором. И язык его кажется самоценным. Подчас находишь удовольствие, рассматривая этот дивный ковер, сотканный мастером из вновь найденных слов, оборотов и периодов, и невольно наслаждаешься щедростью стилиста, независимо даже от содержания

---

²⁴ Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) – историк литературы и революционного движения, драматург (его пьеса «Заговор императрицы» в соавторстве с А.Н. Толстым – имела сенсационный успех), сценарист. Наиболее известное его исследование «Дуэль и смерть Пушкина» (1916).

²⁵ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – советский государственный и партийный деятель, критик, публицист, писатель, член РСДРП с 1895 г., с 1917 г. – нарком просвещения.

повести. Ремизов зачарован магией слов, им самим созданных. Открывается необъяснимая в своей сущности «самодеятельность» языка. Уже сама речь требует своего развития в определенном направлении в силу таинственных законов словесной музыки. Содержание подчиняется изысканной форме, иногда, быть может, в ущерб точности и ясности основной темы.

В «Лимонаре», в «Сказках», в «Посолони»²⁶ Ремизов прежде всего стилист, прежде всего искатель словесного клада, нередко счастливый. В поисках живых слов и оборотов Ремизов обращается к памятникам нашей древней словесности. Руководствуясь изысканиями Ф.И. Буслаева²⁷, Н.С. Тихонравова²⁸, А.Н. Афанасьева²⁹, А.Н. Веселовского³⁰, Е.В. Аничкова³¹ и др. и внимательно изучая первоисточни-

---

²⁶ «Лимонарь» – точнее, «Лимонарь, сиречь: Луг духовный» (СПб., 1907); «Сказки» – скорее всего Чулков имеет в виду не отдельное издание, а жанр произведений; «Посолонь» – книга сказок была выпущена в Москве в 1907 г.

²⁷ Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – филолог и искусствовед, академик Петербургской Академии наук (1860), представитель мифологической школы и миграционной теории в словесности.

²⁸ Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) – литературовед, археограф, основатель культурно-исторической школы.

²⁹ Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871) – историк, литературовед, фольклорист, адепт мифологической школы.

³⁰ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) – филолог, историк литературы, основоположник сравнительно-исторического метода, родоначальник исторической поэтики.

³¹ Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) – историк литературы, фолькло-

ки, Ремизов с изумительным трудолюбием и с зоркостью филолога отыскивает все новые и новые сокровища. И самоцветные камни народной речи, словесные богатства сказок, песен, апокрифов сверкают и горят новыми огнями в золотой оправе искусного мастера. Ремизов обогатил наш словарь, нашел новые возможности в синтаксисе и по-новому открыл напевность нашей речи. Таковы формальные заслуги этого примечательного писателя.

Нелегко разгадать Ремизова как художника и приблизиться к пониманию его личности, и, быть может, еще труднее полюбить его. Невозможно не оценить его искусства, его мастерства, его оригинальности, но всем ли внятны его символизм, всем ли доступны его темы? Алексей Ремизов пришел к нам неспроста с лукавою улыбкою на утомленных губах. И его беседа, похожая на ряд загадок, не только пленительна, но и опасна своею мучительною противоречивостью. Ремизов-художник неоткровенен и несветел: он так же темен, многолик и скрытен, как Гофман. Бродить по лабиринту его творчества и утомительно, и трудно. Это не светлый сад, где легко дышится и где голос звучит ясно. Это запутанная система комнат и коридоров, где полумрак, где душно, где пахнет пряно и дурманно. Тусклое эхо повторяет жуткий смех под темными сводами. И от этого смеха сжимается в тоске сердце. Над чем он смеется – этот человек из подполья? Да полно, смех ли это? Балагурство неожиданно переходит в

причитания, а причитания в горькие, сдавленные рыдания. И рыдания эти странные «без слез» сухие.

Алексей Ремизов не пишет статей, не рассуждает и не философствует – и это так естественно для его неоткрытого таланта. Тем примечательнее единственная его заметка, напечатанная в 1905 году в журнале «Вопросы жизни» по поводу книги Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности»³². «Опыт адогматического мышления, – пишет Ремизов, – является гармонией афоризмов, возмутительных и циничных для ума, которого кашей не корми, а подай ему «систему», «возвышенную идею» и т. п. «De la musique avant toute chose»³³.

«...Этим знаменитым стихом заканчивается книга, которую можно было бы назвать прелюдией подпольной симфонии. Ведь в подполье, во мраке и сырости, вдруг загорается чудо и вереницами бродят привидения, и снятся безумные сны, и ломаются, как прутьики, все категории... И еще есть в подполье странные окна через землю в иной мир. Найдешь – вырвешь разгадку тем тайнам, от которых на стену лезут, не знают, не догадываются, пребывая на лоне природы и шаркая в черных кафтанах по гляnciaм паркета. Найдет ли Шестов окна? – а может, закиснет в духоте и прели... а если

---

³² Рецензия А. Ремизова на книгу Л. Шестова опубликована в «Вопросах жизни» (1905. № 7. С. 204).

³³ «Музыка прежде всего» (*фр.*). Строка из стихотворения П. Верлена «Искусство поэзии».

найдет, скажет ли? – все равно – путь его верный. Не искусившись, не умудришься...»

В сущности этот полувопрос, обращенный к Льву Шестову, с таким же основанием можно задать и самому Ремизову: найдет ли он окна? не закиснет ли в духоте и прели?

Как человека я знаю А.М. Ремизова довольно хорошо. Нам довелось с ним жить в одной квартире в 1905 году, когда я принимал близкое участие в журнале «Вопросы жизни», а он был в этом журнале секретарем. Я прекрасно помню его комнату, столь жарко натопленную, что не всякий мог вынести такую ремизовскую температуру. На стенах висели кусочки парчи и старых шелковых тканей, пропитанные пряными и душистыми духами. На полочках торчали всевозможные кустарные игрушки. И сам хозяин, маленький, сгорбленный, с лукавыми глазами из-под очков, с непокорными вихрами на голове, казался каким-то добродушным колдуном, а может быть, и домовым, случайно запрятавшим свое лохматое тельце в серенький интеллигентский пиджачок.

А.М. Ремизов вечно кого-нибудь мистифицировал, вечно выдумывал невероятные истории, интриговал ради интриги, шутил и ловко умел извлекать из людей и обстоятельств все, что ему нужно, прикидываясь иногда казанскую сиротою. Хитрец порою любил пошалить, как школьник, – любил подшутить над простецом. Ему ничего не стоило, приехав в гости к какому-нибудь тароватому и зажиточному приятелю, незаметно придвинуть вазу со свежеею икрой и улести

ее всю единственно для потехи, чтобы потом полюбоваться на физиономию хозяина, с недоумением взирающего на кем-то опустошенную посудину. Но должен признаться, что я не очень верил в веселость этого лукавого чудака. И от всех его шуток веяло на меня тоскою. Недаром древний мудрец сетовал на самого себя за то, что «без ума смеялся». И я никогда не ждал добра от этого надрывного подпольного смеха.

Из поэтов, милых моему сердцу, необходимо упомянуть о Юрии Никандровиче Верховском³⁴. У этого очаровательного человека, настоящего поэта и серьезного филолога, кажется, нет ни единого врага. Его кротость известна всем, кто его встречал. Его бескорыстие, его ленивая мечтательность, его неумение устраивать свои житейские дела стали легендарными. В 1924 году мы праздновали с ним «при закрытых дверях» двадцатипятилетний юбилей нашей литературной деятельности. По этому случаю мы обменялись с ним посланиями в стихах. Вот что он написал тогда:

И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал.

Боратынский

Так, милый друг, вот мы и старики.

---

³⁴ Верховский Юрий Никандрович (1878–1956) – поэт, литературовед, переводчик.

И седины друг другу мы лелеем
Невинным простодушным юбилеем,
От суетного мира далеки.

Не знай же ни тревоги, ни тоски.
Мы о былом и впредь не пожалеем:
Ты помнишь, как рожденного Пелеем³⁵
Мечты поэта вызвали, легки.

Итак, перед грядущими годами
Неуязвимой твердою пятой
На вере, как стоял, спокойно стой.

Пусть годовщины сменятся над нами
И мирною улыбкой тишины
Вновь обласкают наши седины.

Это стихотворение датировано 18 ноября 1924 года³⁶. А за три года до нашего юбилея поэт посвятил мне еще одно

---

³⁵ Пелей – мифический царь Фтии в Фесалии, от брака которого с нимфой Фетидой родился Ахилл, герой гомеровского эпоса «Илиада».

³⁶ За четыре месяца до этого, 22 июня 1924 г., Чулков посвятил Юрию Верховскому сонет: // Поэта сердце влажно, как стихия, // Здесь на земле рожденных Небом вод. // В нем вечен волн волшебных хоровод – // Вопль радости иль жалобы глухие. // Немолчно в нем звучат струи живые, // Сам океан в ином как бы поет, // В ином поток крушит суровый лед, // В ином вздыбилась водопада выя. // А ты, поэт, и прост, и величав. // Так озеро в таинственной долине // Незыблемо от века и донныне. // Поэт взыскательный! Ты мудр и прав. // Любезен мне твой безмятежный нрав; // Слышней грозы безмолвие пустыни. // (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 4).

стихотворение:

Скажи, когда твоей встревоженной души
Коснется шепот вещей музыки,
Мгновенья вечные не внове ль хороши
Сознанию, свергнувшему узы?

И ныне, скорбною годиной тяготы
Неизживаемой, – богато.
Вот музой Тютчева любовно взыскан ты,
Я – музою его собрата.

Не потому ли так осветлены порой
Твоей печали песнопенья,
И так молитвенный высок и верен строй
Души глубинного горенья?

На миг не оттого ль мой истомленный стих
Все радостней и неуклонней
Коснется вдруг, слепец, живейших струн своих
И вождеденнейших гармоний?

Так тихая судьба в путях кремнистых нам
Таинственной и откровенней
Возносит на горе единый светлый храм
Сочувствий и благословений.

Из милых чудачеств, свойственных Юрию Никандровичу,
не могу не припомнить странной его привычки превращать

день в ночь и ночь в день. Ему ничего не стоило прийти в гости в час ночи, а то и в два и остаться до утра, не замечая, что слушатели его стихов, наслаждающиеся его поэзией часа три, уже утомились, осовели и уже не способны воспринять даже пушкинской музыки. Одно время в Петербурге он так часто повадился ко мне ходить по ночам, что квартирная хозяйка усмотрела в его поведении все приметы страшного заговора, и я должен был переехать на другую квартиру ввиду ее ультиматума, дабы не утратить общества милейшего поэта.

Из петербургских поэтов той эпохи мне хочется назвать имя Владимира Алексеевича Пяста (Пестовского). С ним был очень дружен Блок, пока исторические события не разлучили поэтов на несколько лет³⁷. Перед смертью Блока вражда их, однако, угасла сама собою. Романо-германец по образованию, декадент по строю души, лирик по сердечным своим влечениям, шахматист по своему суетному пристрастию, этот человек, несмотря на многообразие своих талантов, никогда не мог хотя бы сносно устроить свои житейские

---

³⁷ Видимо, речь идет о несогласии В. Пяста с блоковской оценкой революции. После чтения Л.Д. Блок поэмы «Двенадцать» на вечере «Арзамаса» в Тенишевском училище в 1918 г. от выступлений отказались В. Пяст, А. Ахматова, Ф. Сологуб. Подробнее об этом: Переписка А. Блока с Вл. Пястом // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Кн. 2. М., 1981. С. 191. С. Алянский вспоминал, что после появления поэмы «Двенадцать» Владимир Пяст в каком-то общественном месте отказался пожать протянутую Блоком руку (Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 263).

дела. При этом он воображает себя практиком. И в голодные годы он предпринимал какие-то фантастические путешествия для добывания пищи и обыкновенно возвращался с пустыми руками, измученный и едва живой. В мирные до-революционные годы он увлекался скачками и однажды уговорил меня пойти на них. На трибуне он тотчас же преобразился и сказал мне, гипнотизируя меня своими магическими глазами, что я должен непременно играть на какую-то «Клеопатру». Я проиграл. Тогда Пяст воскликнул: «Ну, вот видите! Я так и знал, что эта хромая кляча придет последней!» – «Зачем же вы посоветовали мне на нее ставить?» – удивился я. – «Как зачем! – в свою очередь удивился Пяст. – А представьте себе, если бы она пришла первой, тогда вы взяли бы всю кассу один: на нее никто не ставил. Я не рискнул вам предложить меньше, чем всю кассу. Все или ничего». Я согласился с его доводами, продолжая играть по той же программе, и вернулся домой пешком, утратив весь свой литературный гонорар, только что полученный, если не ошибаюсь, в конторе «Шиповника».

Я назвал Пяста декадентом. Но он не был из числа тех декадентов, которые очень довольны своими изысканностями и в телячьем восторге от собственной безнравственности. Пяст, подобно Блоку, тяготился своею судьбою «последнего лирика», по-настоящему страдал и, кажется, в наши дни, после революции, жадно ищет той почвы, на коей можно стать крепко, не боясь призраков и фантомов, не боясь всех этих

выходцев из могил, коих пугался Гофман и наши петербургские романтики.

К более позднему поколению надо причислить С.А. Ауслендера³⁸, племянника М.А. Кузмина и отчасти ученика своего дядюшки. Сергей Абрамович Ауслендер начал свою литературную деятельность с очень милых стилизованных рассказов. У него всегда было чутье эпохи, занимательность повествования и тот «кляризм»³⁹, который защищал Кузмин. Некоторые пьесы Ауслендера имели успех на сцене. В революционные годы он как-то исчез на срок, а теперь снова завоевал себе имя в литературе, на сей раз детской. Он даже стал знаменитым в этой трудной области.

Ауслендер всегда отличался какой-то ленивой грацией баловня судьбы. Для него всегда характерны добродушный юмор, легкий и поверхностный скептицизм, пристрастие к богеме. Эти черты, кажется, он не утратил и теперь.

Впрочем, в молодости он, если не ошибаюсь, сочувствовал социал-демократам. Вероятно, поэтому он не прочь иногда поговорить о «бодрости» вообще и о писательской бодрости в частности.

А.Н. Толстой⁴⁰ забавно рассказывает, как Ауслендер,

---

³⁸ Ауслендер Сергей Абрамович (1886–1943) – прозаик, критик. Рецензировал вторую книгу рассказов Чулкова (Речь. 1910. 8 марта. № 65). Репрессирован.

³⁹ Кларизм (от фр. clair – ясный) – имеется в виду основная идея статьи М. Кузмина «О прекрасной ясности» (1910).

⁴⁰ Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945) – прозаик, драматург, поэт. Написал рецензию на вторую книгу рассказов Чулкова в «Новом журнале для

встретив его где-то, сказал назидательно: «Писатель должен быть бодрым». При этом шутник Толстой изображает интонации и позу своего собеседника, обличающие в этом проповеднике «писательской бодрости» самую откровенную склонность к ленивой прелести *dolce far niente*⁴¹.

А.Н. Толстой, кажется, моложе Ауслендера. По крайней мере, в литературе он заявил о себе позднее. Я, помнится, прочитав его первый рассказ, напечатанный в «Журнале для всех»⁴², сразу почувствовал в нем большой талант, и мне было приятно, когда он пришел ко мне со своими произведениями. Это были его стихотворные опыты. Толстой пришел ко мне с необыкновенно скромным и смиренным видом, но я тогда же понял, что этот даровитый человек большой хитрец и что он прекрасно знает себе цену. Я как сейчас вижу его плотную фигуру и выразительное лицо с довольно длинной рыжеватой бородою (он тогда еще носил бороду). Один глаз его хитро шурился. Он внушил мне симпатию к себе, несмотря на явное добродушное лукавство. Хотя Алексей Николаевич носит фамилию Толстого, он не состоит в родственных связях ни с Л.Н. Толстым, ни с прочими нашими знаменитыми Толстыми⁴³. По матери своей, Тургеневой, он

всех» (1910. № 18), в которой отметил, что творчество писателя «созвучно эпохе революции и религиозных движений».

⁴¹ Сладкое безделье (*um.*).

⁴² Чулков не совсем точен: А.Н. Толстой дебютировал рассказом «Архип» в «Новом журнале для всех» (1909. № 1).

⁴³ Чулков ошибается: Лев Николаевич и Алексей Николаевич имели общего

родня Ивану Сергеевичу Тургеневу, коего он, впрочем, мало ценит как художника. И это понятно. Жеманность, характерная для этого нашего классика, раздражала, как известно, и Льва Толстого и Достоевского. Немудрено, что и А.Н. Толстой ищет утешений не в тургеневском художестве, и корни его собственного творчества надо искать совсем в иных пластах русской жизни и русской литературы. Я так много писал о символистах, что мне приятно доказать свое беспристрастие, хваля такого реалиста, как А.Н. Толстой⁴⁴. Впрочем, есть реализм и «реализм»: в своих рассказах Толстой никогда не перегружал повествования жирным бытом, от коего, как известно, толку мало. Но, с другой стороны, эстетическое чутье никогда не позволяло Толстому уходить в отвлеченности. В связи с этим я расскажу анекдот, сообщенный А.Н. Толстым о самом себе. В молодости учился он в школе живописи, устроенной Е.Н. Званцевой⁴⁵ и Е.И. Карминой⁴⁶.

предка – Петра Андреевича Толстого, сподвижника Петра I.

⁴⁴ Чулков написал несколько статей о творчестве А.Н. Толстого. Так, «Проклятая десятина» появилась в «Откликах» (№ 6 – Приложение к газете «День» (1914. 13 февраля. № 43). Ранее им была опубликована рецензия на первую книгу повестей и рассказов А.Н. Толстого (Новая жизнь. 1910. Декабрь. № 1), в которой критик сравнивал Толстого с Рубенсом, но тем не менее уточнял, что писатель «смотрит на мир с полубеспечным, полугрустным изумлением», а в сумерках изображаемого им быта таится начало страшное и вечное».

⁴⁵ Званцева Елизавета Николаевна (1864–1922) – художница. В 1899 г. открыла в Москве художественную мастерскую, просуществовавшую до 1906 г. Затем в 1909–1916 гг. организовала студию в Петербурге, в которой преподавали Л. Бакст, М. Добужинский.

Художники твердили, что надо писать не то, что существует объективно, а только то условно, что видит глаз. «Я так вижу» – стало ходячей формулой. Однажды Толстой, рисуя дюжего натурщика, приделал ему голубые крылья, а когда к мольберту подошел преподаватель и, недоумевая, спросил: «Это что такое?» – Толстой невозмутимо ответил: «Я так вижу». Кажется, это был его последний урок живописи.

В салоне З.Н. Гиппиус и в редакции «Нового пути» я познакомился с юным поэтом Леонидом Семеновым⁴⁷. Он был тогда еще студентом и, кажется, предводительствовал в университете академистами. Но, поговорив с ним, я убедился, что весь его «академизм» очень похож на самую детскую романтику и что очень скоро он расстанется со своею ребяческой мечтою. Так и случилось. Впрочем, юноша попал «из огня да в полымя». Из прежней славянофильской романтики молодой человек попал в романтику социально-революционную, а потом стал толстовцем. Напечатано письмо Льва Толстого к «брату Леониду»⁴⁸. Во время революции

---

⁴⁶ Кармина Елена Ивановна – художница. Сотрудничала с Е.Н. Званцевой в Петербурге.

⁴⁷ Семенов Леонид Дмитриевич (1880–1917) – прозаик и поэт, близкий символизму, религиозный пропагандист, внук ученого П.П. Семенова-Тян-Шаньского. После 1905 г. стал странником.

⁴⁸ Имеется в виду письмо с обращением «Благодарю Вас, милый брат Леонид» от 19 ноября 1909 г. (Т о л с т о й Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 80. С. 203–204). Чулков мог прочитать его в издании: Письма Л.Н. Толстого / Под ред. П.А. Сергиенко (Т. 2. М, 1911.)

какие-то крестьяне-«махновцы» или «зеленые» или еще какие-нибудь – убили Леонида Семенова. Они убили сначала его шестидесятилетнего родственника, потом убили поэта.

Когда эти строчки газетного петита попали мне на глаза, мне стало страшно и больно не только потому, что погиб этот незаурядный и еще молодой человек: мне стало страшно и больно потому, что в этом убийстве я почувствовал особый зловещий смысл.

Я встречал Леонида Семенова в Петербурге в 1904 году. Это был стройный, гибкий, красивый юноша, с нежными губами и мечтательными глазами, отравленный тогда декадентским зельем, но уже в те дни заболевший иною нашею российской болезнью, коей точное наименование – гипертрофия совести. Генрик Ибсен замечал симптомы этой болезни у своих соотечественников, но воистину ни у одного народа Европы эта болезнь не достигала таких размеров, как у нас, русских.

Диагноз болезни установить не так уж трудно. Человек, страдающий этим душевным недугом, теряет чувство меры и способность понимать и оценивать относительность истории. Совесть его безмерно растет и ширится в ущерб всем прочим качествам и свойствам души. Естественно, что при таком болезненном развитии она, несмотря на свое преобладание в душевном мире человека, становится хилою и немощною. История и жизнь требуют от человека мужества, но нельзя быть мужественным, если твое нравственное со-

знание непрестанно твердит тебе о греховности всего исторического процесса. Отсюда жажда отказаться от истории вообще, уйти от нее, не противиться злу насилием; отсюда отказ от культуры и от государственности прежде всего. Эту болезнь страдали все примечательные русские люди, но одни из них, как Достоевский и Владимир Соловьев, преодолели ее, другие же – огромное большинство – от соблазна хилой совести не освободились до конца дней.

Один был только среди наших поэтов, который эту болезнь не страдал никогда, – это Пушкин. Странно, что после Пушкина появились у нас толстовцы и непротивленцы. Эти люди вдруг пошли, как замороженные, на волшебную приманку, красным словцом прикрывая нашу непротивленскую наготу, нашу хилую совесть. Но отвращение к формам европейской гражданственности и культуры находит себе двоякое выражение: или мы, изнемогая от избытка добродетели, начинаем «вегетарианствовать» и вообще терять вкус к жизни; или мы объявляем войну культуре во имя какого-то дикого разгула и нетерпеливой жажды все разрушить, все «послать к черту».

Поэт Леонид Семенов выбрал первый путь – путь непротивленства; мужики, которые убили его, соблазнились вторым соблазном – «на все наплевать». И убийцы, и жертва – дети одной стихии, одного начала. Если на одном конце этой психологической лестницы стоит Лев Толстой, то на другом

конце – Нечаев⁴⁹, Пугачев⁵⁰ и Разин⁵¹.

Эстет Леонид Семенов, написавший когда-то книжку изысканных стихов⁵², решает вдруг «опроститься» и идет по тому же пути, по какому пошел Александр Добролюбов⁵³ – тоже бывший декадент, а потом сектант, непротивленец, променявший ценности европейской культуры на «сестрицу Нищету», как выражался Франциск Ассизский⁵⁴. Это «само-сожжение» наших интеллигентов совершенно непонятно европейцам.

Я помню, как однажды в Париже, в кулуарах палаты депутатов, мне пришлось беседовать с несколькими француз-

---

⁴⁹ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882) – участник российского революционного движения, руководитель тайного общества «Народная расправа», сторонник самых крайних мер, вплоть до убийства. Его деятельность, получившую нарицательное обозначение нечаевщина, критиковали деятели I Интернационала и русские революционеры.

⁵⁰ Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742–1775) – предводитель крестьянской войны (1773–1775). В 1774 г. был выдан заговорщиками властям. Казнен.

⁵¹ Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671) – предводитель крестьянской войны (1670–1671). Выдан правительству. Казнен.

⁵² Скорее всего, Чулков упоминает «Собрание стихотворений» (СПб., 1905).

⁵³ Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945) – поэт, религиозный проповедник. Им была основана секта «добролюбовцев». В статье «Александр Добролюбов» (Ч у л к о в Г. Покрывало Изида) Чулков писал, что он «один из тех людей, вся жизнь которых – поэма» (С. 96).

⁵⁴ Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226) – основатель монашеского нищенствующего ордена францисканцев, канонизированный католической церковью. Остался в миру, ухаживая за больными и нищими, проповедовал Евангелие, поэтически перелагая его и называя себя «трубадуром Божиим».

скими политическими деятелями и как один из них сказал, тонко улыбаясь:

– Вы, русские, народ опасный. Вашей монархии я не боюсь. Она все-таки понятна. Я боюсь вашей анархии. Это что-то экстраординарное и непонятное абсолютно. Самое страшное – это то, чего нельзя понять.

Я не могу сказать, как этот француз, что я не понижаю нашего анархизма, но должен признаться, что мое понимание вовсе не исключает моего критического к нему отношения.

Я далек от мысли, что нам надо целиком и покорно, без критики, принять идеи и формы западноевропейского мира, но я уверен, что отречение от этих начал в духе нашего непротивленства есть величайшее зло и самая безысходная и мрачная реакция. Если мы можем гордиться тем, что мы понимаем непонятную для европейцев идею «неприятия мира», как ее раскрыл Достоевский, то тем более должны мы стыдиться, что, поняв эту идею, мы застряли на полпути и не сделали из нее надлежащих выводов. Кому много дано, с того много и взыщется⁵⁵. Мятежная и все отрицающая душа русского человека воистину сгорит и погибнет в этом своем бунте, если не найдет себе более высокого оправдания. Надо знать, во имя чего ты бунтуешь. А если мы будем биться головою об стену или воевать с мельницами – в восторге и упоении от своего «дерзания» – это еще не сделает нас рав-

---

⁵⁵ Несколько перефразированные слова из Евангелия: «Кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12. 48).

ными в самом деле прекрасному и благородному рыцарю, истинному европейцу, Дон Кихоту, ибо этот безупречный и доблестный человек сражался во имя истины, любви и высокой правды.

Но сам я немало погрешил в этом отношении, хотя и в ином плане, и я боюсь ответить за свой мистический анархизм на Страшном суде – не за сущность самой идеи, а за неосторожность ее выражения. По этому поводу я написал в 1919 году и напечатал в моей книжке стихотворений 1922 года послание к главному ревнителю опасной идеи – Вячеславу Иванову. В этом послании, между прочим, я напоминаю поэту о нашем бунтарстве:

Ведь вместе мы сжигали дом,
Где жили наши предки чинно...

Поэт тогда же в декабре 1919 года ответил мне прекрасными и мудрыми стихами:

Да, сей костер мы поджигали,
И совесть правду говорит.
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сторит.

Гори ж, истлей на самозданном,
О сердце-феникс, очаге!
Свой суд приемли в нежеланном.

Тобою вызванном слуге.

Кто развязал Эолов мех⁵⁶,
Бурь не кори, не фарисействуй.
Поет Трагедия: «Все грех,
Что Воля деет. Все за всех!»
А Воля действенная: «Действуй!»⁵⁷

Считаю уместным напомнить еще раз, что сам Вяч. Иванов в эпоху мистического анархизма был неизмеримо осторожнее и тоньше в своих высказываниях, чем я. Надо и то сказать, что поэт старше меня, и в ту пору это было очень заметно.

В эти дни, когда мы проповедовали наши анархические идеи, реальной связи с политической «злобою дня» у нас не было, или – точнее – она была, но как некий внутренний опыт. Одним словом, я не был связан никакими партийными заданиями. В 1905 году и позднее я встречался часто с большевиками. Особенно мне памятны вечера у тов. Лещенко⁵⁸. Здесь я беседовал с А.В. Луначарским, О.Д. Каме-

---

⁵⁶ Эол – повелитель ветров, живший на о. Эолия. Он подарил Одиссею мешок, в который были спрятаны бурные ветры. Спутники Одиссея его развязали, чем навлекли страшную бурю.

⁵⁷ Это стихотворение Вяч. Иванова датировано 3 декабря 1919 г. Существует вариант, отличающийся от приведенного Чулковым: первая строка – "Да, сей пожар мы поджигали..." и конец последней строфы: «Поет Трагедия: „Все грех, // Что действие, Жизнь: „Все за всех“, // А Воля действенная: «Действуй!»

⁵⁸ Лещенко Дмитрий Ильич (1876–1939) – профессиональный революционер,

невой⁵⁹, А.М. Коллонтай⁶⁰ и др. Философическая и литературная полемика, начатая на страницах журналов, продолжалась за ужином у тов. Лещенко. Несмотря на весьма существенные принципиальные разногласия, я все-таки чувствовал, что самое серьезное в революции связано с этим левым крылом социал-демократии. Я чувствовал, что если революция победит, то именно под знаком рабоче-крестьянского мятежа, на каких-то новых путях, не предугаданных благо-разумно-умеренной частью социал-демократии.

Товарищи большевики навещали и меня, и Вяч. Иванова. Как ни остры были наши противоречия, как ни расходились мы во взглядах на космос и человека, все-таки в те дни была какая-то одна точка, где перекрещивались наши надежды и наши мечтания. Poleмика наша, иногда весьма запальчивая, не мешала большевикам ценить попов как поэтов. В этом отношении большевики были терпимы и более чутки, чем наши либералы и радикалы⁶¹.

журналист, впоследствии деятель советской кинематографии.

⁵⁹ Каменева Ольга Давыдовна (урожд. Бронштейн; 1883–1941) – участница революционного движения, жена Л.Б. Каменева, сестра Л.Д. Троцкого, заведовала театральным отделом Наркомпроса. Расстреляна в Орловском центре органов НКВД.

⁶⁰ Коллонтай Александра Михайловна (урожд. Домонтович; 1872–1962) – советский государственный деятель, дипломат, литератор, публицист.

⁶¹ Здесь Чулков явно льстит большевикам. Его слова опровергают сборники «Литературный распад» (I – 1908; II – 1909), в которых была объявлена неприимимая война модернистам, хотя А. Луначарский и занимал в этом споре особую позицию – ценя их достижения.